

П. В. Западалова

**Икона «Святые царевич Димитрий
и князь Роман Угличский
в молении Богоматери Воплощение»:
некоторые вопросы иконографии**

Творчество Прокопия Чирина – одного из ведущих иконописцев конца XVI – первой четверти XVII в. – во многом определило развитие русской живописи XVII столетия. На его иконы как на образцы равнялись московские изографы и, вслед за ними, мастера, трудившиеся в Великом Устюге, Сольвычегодске и Ярославле. Прокопий Чирин был одним из главных создателей эстетики так называемого строгановского стиля. Работа с Сийским подлинником (РНБ. ОЛДП. Ф. 88) – сборником прорисей XVII столетия, происходящим из Антониево-Сийского монастыря – позволяет раскрыть пути распространения строгановских художественных идеалов. Часть прорисей подлинника восходит к сохранившимся до нашего времени иконам Прокопия Чирина. В настоящей статье мы подробно рассматриваем одну из таких прорисей. Проведенная работа позволила впервые атрибутировать лист, на котором не указано авторство оригинала, а также лучше представить себе первоначальный облик иконы «Святые царевич Димитрий и князь Роман Угличский в молении Богоматери Воплощение» Прокопия Чирина из собрания Русского музея.

Ключевые слова: Прокопий Чирин; Сийский подлинник; строгановская икона; прорись; XVII век

Polina Zapadalova

**Icon “Saints Dimitry and Roman of Uglich
Praying to the Mother of God”:
Some Issues of Iconography**

The oeuvre of Procopy Chirin, who was the leading icon painter of the late 16th – first quarter of the 17th centuries – had a significant impact on the Russian

17th century painting. His icons were regarded as models by other Moscow artists as well as by painters of Veliky Ustyug, Solvychegodsk and Yaroslavl. Procopy Chirin was one of the main creators of the so-called “Stroganov” style. The study of the Siya book of samples (the National Library of Russia. OLDP. F. 88), which represents a compendium of 17th century graphics, originating from the Siya monastery of St. Anthonius, allows us to observe the ways of dissemination of “Stroganov” artistic ideals. We have previously established that a part of trace drawings from the Siya compendium goes back to Procopy Chirin’s icons, that have come down to us. This article takes a detailed look at one of these trace drawings. The work carried out made it possible for the first time to attribute a sheet that does not indicate the authorship of the original, as well as to better imagine the original appearance of the icon “Saints Dimitry and Roman of Uglich Praying to the Mother of God” by Procopy Chirin from the collection of the Russian Museum.

Keywords: Procopy Chirin; Siya book of samples; Stroganov icon; trace drawings; 17th century

Хотя в целом графические листы Сийского иконописного подлинника широко известны в науке [24; 17; 18; 13; 12 и др.], отдельные прориси этого сборника остаются неисследованными. В настоящей статье нам хотелось бы обратить внимание на одну из таких прорисей, не привлечших внимания даже автора самого полного описания подлинника: у Н. В. Покровского листы с 412 по 416 (в соответствии с нумерацией, принятой в его каталоге) охарактеризованы обобщенно: «Неясный перевод единоличных изображений – Феодора Стратилата, Иоанна Предтечи с крыльями, великомучениц Варвары, Екатерины, Пятницы и др.», причем интересующий нас лист вошел в последнюю категорию – «и др.» [24, вып. IV, с. 214, № 412–416]. В подлиннике этот лист (*ил. 1*) подклеен к другой прориси с фронтальным изображением безымянного мученика (вместе обе прориси формируют лист № 484 согласно карандашной нумерации). На не идентифицированном Н. В. Покровским оттиске в рост представлены двое святых. Они развернуты друг к другу в три четверти, их головы чуть запрокинуты назад, взоры обращены вверх к Богоматери Воплощение, изображенной в заполненном облаками медальоне. На святых препоясанные узорчатые кафтаны с воротом-козырем, нарядные охабни, подбитые мехом.

Они стоят на носочках, их руки согнуты в локтях, ладони свободно расправлены в деисусном жесте.

Прорись двухцветная, с черными и красными тонкими и тончайшими контурами. Основные формы намечены сажей, киноварью прорисована обводка нимбов и света – ассист на сапожках, горизонтальные штрихи в полусфере с Богоматерью. Киноварные тонкие травные узоры на одеждах святых не показаны целиком. Отпечаток нечеткий, некоторые линии едва просматриваются. Не намечено внешних границ композиции, которые нередко обозначались на прорисях, отражая прямоугольные очертания средника икон-образцов. Лист имеет ярко выраженный вертикальный формат (12,5×26,2), явно не соответствующий размеру оригинала. Края прориси срезаны, фигура справа (от зрителя) не вошла целиком в изобразительное поле, а верх и низ остались пустыми. Состояние оттиска, в котором утрачены контрастность и детали иконографии, позволяет сделать предположение о его вторичности. Вероятно, это повторный прямой отпечаток, сделанный с неизвестного нам зеркального перевода, но даже такой вторичный перевод дает представление об оригинале – иконе, отличавшейся тщательным письмом, совершенством рисунка, богатством золотого узорочья. Прорись вызывает в памяти образцы строгановского иконописания, однако отсутствие каких бы то ни было подписей (на листе не надписано даже имен святых) затрудняет рассуждения об атрибуции. Однако до нашего времени сохранилась икона, к которой восходит оттиск, – «Святые царевич Димитрий и князь Роман Угличский в молении Богоматери Воплощение», происходящая из Благовещенского собора в Сольвычегодске (ГРМ, држ-2053) (ил. 2)¹. Н. П. Кондаков полагал, что она могла быть написана Прокопием Чириным или его ближайшим учеником [16, с. 352]. К работам Прокопия Чирина образ был отнесен с датировкой первой половиной XVII в. Т. Б. Вилинбаховой в издании 1987 г. [14, с. 14, 59, кат. 44] и И. Д. Соловьевой в 1995 г. [22, с. 219, кат. 137]. Также в научных изданиях встречается датировка произведения началом [24, с. 414, ил. 78] или первой

четвертью XVII ст. [19, с. 12, кат. 19 (аннотация Т. Б. Вилинбаховой)] и началом 1620-х гг. (с уточнением – 1622–1622 гг. (?)) [20, с. 309, кат. 35 (с библиографией); 31, с. 352–353, кат. 134]².

Факт включения прориси, опосредованно восходящей к иконе «Святые царевич Димитрий и князь Роман Угличский в молении Богоматери Воплощение», в Сийский подлинник говорит о том, что изографы середины – конца XVII в., несмотря на смену стилистических парадигм, высоко ценили мелочное письмо первой половины XVII ст. Оттиск точно, в размер³, воспроизводит общий рисунок иконы. Ее сопоставление с прорисью обогащает наше знание об обоих произведениях. В подлиннике лучше видны те узоры, что стерлись на иконе, и, напротив, благодаря сохранившемуся оригиналу можно уверенно определить имена показанных на прориси святых и представить композицию в первоначальном замысле. На иконе в настоящее время почти совсем не видны застежки на охабнях. На прориси же можно различить, как рисунок полос, к которым крепятся петли и пуговицы, ритмически организует композицию, поддерживает движение рук святых. По оттиску заметно, что Прокопий Чирин стремился избежать однообразия и исходил из линейной выразительности целого. На охабне мученика Димитрия изображены частые киноварные полосы (15 с одной стороны и 13 с другой), на одежде святого Романа они посажены реже (их всего шесть) и каждая из них сверху и снизу очерчена контуром.

Тип изображения князей-мучеников, представленный иконой из Русского музея и прорисью из Сийского подлинника, сложился в творчестве Прокопия Чирина, по крайней мере, уже в последние годы правления Бориса Годунова: к этому времени относится икона царских ангелов его кисти (ГТГ, инв. 12878) (ил. 3) [6, кат. 805], где в центре показаны святые Борис и Глеб, трактовка изображений которых очень близка фигурам угличских святых: в обоих случаях пару составляют юноша и средовек, они облачены в охабни с меховой опушкой и кафтаны, полностью покрытые узорочьем, исполненным с применением цветных лаков, в декоре одежд важная роль отведена рядам жемчугов и самоцветов. Иконографическая

близость предопределена в данном случае смысловым содержанием: известно, что убийство святого Димитрия осмыслялось современниками в символической связи с гибелью князей Бориса и Глеба: «...того [Димитрия] восхоте [Господь] прославити и на земли, якоже и прежних страстотерпцев российских князей Романа и Давида, от Святополка пострадавших, прославил есть» [11, с. 31]⁴. Созданная до 1605 г., вероятно, уже в XVII столетии икона с небесными покровителями Бориса Годунова и его семьи и образ угличских святых, возникший очевидно, в пределах полутора десятилетий после 1606 г. (год канонизации Димитрия-царевича⁵), схожи не только по стилю, но и в тонких деталях стилистического плана, что может свидетельствовать либо о постоянстве художественной манеры Прокопия Чирина, либо о том, что эти произведения близки по времени создания. Если придерживаться второй гипотезы, то икону со святыми Димитрием и Романом следует отнести к наиболее ранним примерам изображения страстотерпца Димитрия в древнерусском искусстве. Две иконы писались под оклад, их охристый фон, положенный местами полупрозрачно, почти идентичен по тону и фактуре. В обоих произведениях отсутствует динамика движения, отличающая, в частности, искусство Никифора Савина – современника Прокопия Чирина⁶. Одну и ту же роль играют в их колорите белые пятна (плат Марии Магдалины на иконе царских ангелов и белый фон клейма с Богородицею Воплощение на иконе с угличскими святыми): эти небольшие вкрапления выявляют общую сумрачность палитры, в которой даже личное письмо определяет достаточно темный коричневатый цвет санкиря.

Создавая свой вариант иконографии святого Димитрия, Прокопий Чирин, очевидно, ориентировался на существующие образцы, возникшие в период установления общерусского прославления благоверного царевича в 1605–1606 гг., при царе Василии Шуйском [9, с. 209–210] и вскоре после этого события. Велика вероятность существования прижизненных изображений царевича⁷. В числе же самых ранних икон следует назвать образ, отосланный в августе 1606 г. Марией Нагой в Елец [25, с. 39], икону 1607 г., вложенную Василием Шуйским во Владычный Серпуховской монастырь

(Серпуховский историко-художественный музей) [4; 27, с. 180–187, особ. с. 184], икону ок. 1606 г. из Сошестввенской церкви в Калуге (Калужский музей изобразительных искусств) [28], икону 1606 г., разместившуюся в Архангельском соборе Московского Кремля (Музеи Московского Кремля) [7, ил. на с. 97; 30, с. 174–178]. Из ранних памятников иконографии Прокопий Чирин заимствовал деисусную позу святого, показанного без каких-либо атрибутов в руках. В надгробном изображении 1606 г. из Архангельского собора царевич представлен в подбитом мехом красном охабне с золотой узорной вышивкой. Прокопий Чирин сохранял эту деталь – в таких одеждах святой изображен и на иконе из Русского музея, и на иконе «Святые Димитрий Солунский и царевич Димитрий» из коллекции П. Д. Корина (ГТГ) (ил. 4), также приписываемой его кисти [5, ил. 92, с. 98–100, кат. 74,]⁸. Красная «порфира», украшенная цветами, является одной из устойчивых примет иконографии святого⁹, указывающей на мученическую кровь, пролитую страстотерпцем: «Ты яко крин благоцветущ, течением крове твоея показался еси блаженне, и грозд мысленный винограда Христова, благовонием чудес мир благоухал еси»¹⁰. На обеих иконах Прокопия Чирина ворот кафтана царевича скреплен застежкой, состоящей из трех крупных жемчужин и выложенного мелким жемчугом ромба. Можно было бы отнести эту подробность на счет характерного для так называемой строгановской иконописной традиции узорочья, однако точно такое же «ожерелье» украшает одеяние святого на иконах 1606 г. из Калужского музея изобразительных искусств и из Архангельского собора Московского Кремля (ММК). Очевидно, что и эта деталь была наделена специфической семантикой. Рана на шее царевича уподобляла его непорочному закланному агнцу: «Яко пречестна жертва, тайней трапезе принесен быв заколением, мучениче» [2, л. 145 об.]¹¹. Кроме того, в иконографии святого акцент в виде ожерелья был призван напомнить об обстоятельствах его смерти, как это уже указывалось в научной литературе, например, Т. Е. Самойловой [30, с. 174]. О них, в частности, повествует включенный в житие благоверного царевича диалог между отроком и коварным убийцей: «...и рече к царевичу, сие у тебе, государь,

новое ожерельцо, он же аки агнец незлобив подъем выю, отвеща ему тихим гласом, глаголя, сие есть мое старое ожерелие... Внезапу убийца уготованным ножом, аки змия, жалом убоде царевича в выю» [11, с. 13]. Предположение об «историчности» изображения ожерелья подтверждается письменными источниками – рассказом о плащанице, шитой царицей Марией Нагой и присланной в 1610 г. в Углич, в церковь Царевича Димитрия на Крови: «Царица инокиня Марфа, приседяше гробу сына своего и смотряше на тело его, нача сшивати в его меру возраста благолепную плащаницу... А на шеи изобрази жемчужное ожерелие, яко бы он ношаше до заколения своего» [29, с. 11, прим. 3]. Иногда в истории иконографии ожерелье на шее царевича приобретало более конкретную форму: так, на крышке раки мученика Димитрия 1630 г., исполненной под руководством Гаврилы Овдокимова (ММК) [32, с. 205–206, кат. 59], оно показано в виде цепочки из жемчужных ромбов (*ил. 5*). Впрочем, украшение ворота могло и вовсе отсутствовать, ярким примером чему служит пелена 1656 г. с изображением царевича-страстотерпца (ГРМ, инв. дрт-206): здесь вместо самоцветов по верх Распятия в руках мученика на его шее изображена рана [19, с. 27, кат. 24; 22].

Две иконы Прокопия Чирина вместе с другими произведениями, созданными вскоре после установления почитания святого Димитрия, стоят у истоков иконографической традиции, определявшей специфику искусства XVII в. Образ царевича не только стал «духовным и эстетическим идеалом» в период преодоления Смуты [8, с. 10.], но занял особое место в культуре последнего века русского Средневековья. Показательна в этом плане композиция иконы «Похвала Богоматери Владимирской» 1663 г. кисти Симона Ушакова (ГТГ), где изображение благоверного Димитрия вынесено на самый верх древа русской святости. В других случаях значимость его образа, напротив, подчеркивалась тем, что он размещался «в основании» иконографической системы: так, в росписях Крестовоздвиженского собора в Романове-Борисоглебске (1675) изображение царевича украшает северную грань северо-западного столпа. Мастера второй половины XVII в. Симон Ушаков и поволжские знаменщики,

работавшие в Романове-Борисоглебске, изобразили царевича в венце со скругленным верхом. Такая форма короны (вместо городчатого венца), впервые встречающаяся у Прокопия Чирина, закрепились в иконографии времени царствования Михаила Федоровича, что видно на примере крышки драгоценной раки благоверного Димитрия 1630-х гг. (ММК). Возможно, распространение данного элемента иконографии в творчестве царских мастеров, к которым принадлежали Симон Ушаков и Гаврила Овдокимов, было связано с авторитетом образцов, созданных государевым иконописцем и знаменщиком Прокопием Чириним.

На обеих иконах Прокопия Чирина царевич представлен в паре с другим святым, в молении Богоматери Воплощение (ил. 2, 4). На иконе из Русского музея фигура царственного мученика выглядит приземистее. Умаление вертикальности мастер стремился преодолеть при помощи положения главы святого, смотрящего не перед собой, как на иконе из коллекции П. Д. Корина, а вверх, и посредством акцентирования восходящего ритма диагональю нижнего контура одеяний святого. В целом композиция иконы из Русского музея выгодно отличается от образа «Святые Димитрий Солунский и царевич Димитрий». Широкие поля, сплоченность форм в среднике, тяготение к симметрии придают художественному образу величавость, монументальную выразительность.

Причина изображения благоверного Димитрия в паре с Димитрием Солунским лежит на поверхности (Димитрий Иоаннович был наречен в честь этого воина-мученика¹²) и сопряжена с их тезоименитством, о котором упоминается в службе царевичу-страстотерпцу: «Тезоименит еси, страдальче, древнему великомученику Димитрию Селунскому: егоже убо молитвами славный мученик Нестор Лиа уби, ты же именем раба твоего и убийцу зле погуби» [2, л. 149 об.]. Впоследствии парность этих образов закрепились в иконографии XVII столетия, о чем свидетельствует икона первой половины XVII в., на которой они показаны в молении Спасу Нерукотворному (Церковно-археологический кабинет Московской духовной академии). Образ Димитрия Солунского находился в церкви

святого царевича Димитрия в Угличе [29, с. 21]. В этом же храме опись 1674–1676 гг. указывает «у правого клироса Спасов образ, в молении благоверный царевич Димитрий с благоверным князем Романом Угличским, в киоте, венцы резные серебряные золочены» [29, с. 19]. Очевидно, возникновение первых икон святых Романа и Димитрия Угличских следует относить ко времени около 1606 г., т. е. к периоду формирования пантеона угличских заступников, пришедшему на рубеж XVI–XVII вв. [15, особ. с. 379]. Впоследствии такие парные образы займут видное место в иконописании Углича, причем нередко эти святые будут изображаться держащими град Углич на ладонях¹³.

Святых Романа и Димитрия объединяло не только то, что их мощи некоторое время находились в Преображенском соборе Углича, но и время их прославления¹⁴. Патриарх Иов получил известие о чудесах, которые стали свершаться от обретенных в 1595 г. мощей святого Романа. 3 февраля 1605 г. для подтверждения этого факта в Углич прибыл митрополит Гермоген, не позднее 10 июня 1605 г. было составлено житие и служба святому [9, с. 210]. В рассказе о чудесах 1605 г. от мощей святого Романа упоминается его рака в Борисоглебском приделе Преображенского собора и – в повествовании об исцелении воина Игнатия Лихачева – уже существовавший на тот момент образ святого [23, с. 374, 377]. На иконе Прокопия Чирина благоверный князь Роман представлен в том обличье, который закрепится в иконографии XVII в. и в описаниях толковых подлинников: «Святой Благословенный князь Роман Угличский чудотворец, подобием рус, образом средовек, аки Варлаам Хутынский, ризы на нем – шуба княжеская» [15, с. 377].

Таким образом, предпосылки к сложению иконографии образа кисти Прокопия Чирина кроются в актуальных событиях эпохи, в особенностях ее духовной жизни. Сюда относятся и оформление канонического сонма угличских заступников, и интерес к новым темам в конце Смутного времени и в период преодоления Смуты. Композиция иконы, созданной государевым изографом Прокопием Чириным, вероятно, по заказу Андрея Семеновича Строганова, во втором – начале третьего десятилетия XVII в., пользовалась

большим авторитетом у иконописцев. Об этом говорит и установленный нами факт включения прориси, восходящей к этому образу, в Сийский подлинник, и изобразительная традиция XVII столетия, в которой закрепились парная иконография благоверных Романа и Димитрия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ 29,5×22,9×2,6. Доска цельная, две встречные шпонки, сплошная паволока. Пост. в 1912 г. как дар Николая II от Г. И. Чирикова.

² Автор каталожного описания [31, кат. 134] И. А. Шалина отметила, что святой Димитрий Угличский был небесным покровителем Дмитрия Андреевича Строганова, что объясняет популярность образа этого святого в искусстве строгановских мастеров.

³ Высота фигур без нимбов ок. 17 см.

⁴ В дальнейшем сопричастие мучеников Димитрия-царевича, Бориса и Глеба в сонме избранных князей или страстотерпцев будет часто встречаться в иконографии XVII ст. Укажем здесь в качестве примера нижний ряд иконы «Святые Василий и Константин, в житии» из Успенского собора в Ярославле (1640-е гг., кон. XVII в.). Ярославский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, инв. ЯМЗ 41010, ИК 206.

⁵ О церковном прославлении этого святого с подробной библи.: [30].

⁶ Ср. иконы Никифора Савина «Чудо святого Георгия о змие» (ГРМ, инв.држ-1039) и «Чудо святого Феодора Тирона о змие» (ГРМ, инв. држ-2146).

⁷ В связи с такой возможностью О. П. Постернак обратила внимание на «полулегендарные сведения» о портрете Димитрия, на котором тот был показан во младенчестве и который хранила царица Мария Нагая: [25, с. 36–37].

⁸ На верхней шпонке иконы «Святые Димитрий Солунский и царевич Димитрий» можно прочесть надпись: «Писмо Прокопия Чирина». Прорись с этой иконы также присутствует в Сийском иконописном подлиннике (л. 466).

⁹ «В той же день память святого благоверного царевича князя Димитрия Ивановича Углецакого, Димитрий млад, на главе венец, ризы княжецкие и порфиры». Иконописный подлинник XVII в. [1, л. 31].

¹⁰ См. также: «...обагрением страдания твоего яко царскою порфирию обагрился еси кровию» [2, л. 145 об., 150].

¹¹ «И жертву непорочну Владыце принесл еси себе, яко бо агнец незлобив от раба заколен еси» [2, л. 141 об.]

¹² Святой Димитрий Солунский представлен на мерной иконе царевича 1582 г. См.: [32, с. 203–204, кат. 54].

¹³ См. икону середины XVII в. (?) со святыми Димитрием-царевичем, князем Романом, Тихоном Амафунтским и Макарием Египетским в молении Христу из Макарьево-Египетского придела церкви Корсунской иконы Богоматери в Угличе (Угличский государственный историко-архитектурный художественный музей, држ-2761) [10, с. 177, кат. 17].

¹⁴ Новое житие святого князя Романа, составленное уже в конце XVII – начале XVIII в., говорит о том, что почитание благоверного угличского князя началось в конце XV столетия, т. о. речь идет в данном случае о повторном прославлении. Первое обретение мощей святого Новое житие относит к 1487 г. [15, с. 379].

ИСТОЧНИКИ И БИБЛИОГРАФИЯ

1. Иконописный подлинник. ОР РНБ. Погод. № 1928. XVII в.
2. Миней служебная на май. Пермская универсальная библиотека им. А.М. Горького. Инв. 09К. 1693 г. (rusneb.ru)
3. Сийский иконописный подлинник. ОР РНБ. ОЛДП. Ф. 88. Конец XVII в.
4. Снимок с образа святого великомученика царевича Димитрия, поставленного царем великим князем Василием Ивановичем Шуйским во Владычном монастыре в Серпухове в 1607 году [Изоматериал]. Б. г. Литография Д. Струкова.
5. Антонова В. И. Древнерусское искусство в собрании Павла Корина. М. : Искусство, 1966.
6. Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи XI – начала XVIII в. Опыт историко-художественной классификации. Т. II. М.: Искусство, 1963.
7. Архангельский собор. М. : Красная площадь, 2008.
8. Бычков В. В. Эстетика в России XVII века. М. : Знание, 1989.
9. Васильев В. П. История канонизации русских святых // ЧОИДР. Кн. 3. Исследования. М., 1893. С. 1–251.
10. Горстка А. Н. Иконы Углича XIV–XX веков. М. : Гранд-Холдинг, 2006.
11. Житие святого Димитрия царевича. ОЛДП. XXXVI. № 47. СПб., 1879.

12. *Западалова П. В.* Прокопий Чирин и Сийский подлинник // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». № 1–2 (2022) / сост. О. Е. Этингер. М., 2022. С. 227–248.

13. *Западалова П. В.* Святые диаконы на царских вратах 1650 года из церкви пророка Ильи в Ярославле и группа листов из Сийского иконописного подлинника // XXIV Научные чтения памяти И. П. Болотцевой. Сб. ст. / сост. Е. А. Воронова, науч. ред. Ю. Н. Звездина. Ярославль, 2020. С. 105–116.

14. Искусство строгановских мастеров в собрании Государственного Русского музея. Каталог выставки. Л. : Художник РСФСР, 1987.

15. *Каган М. Д.* Житие Романа Угличского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч 1. А–З / отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб. : ИРЛИ, 1992. С. 377–380.

16. *Кондаков Н. П.* Русская икона. Прага : Seminarium Kondakovianum, 1933. Т. IV. Ч. 2.

17. *Мальцева О. Н.* Сийский иконописный подлинник. Новые материалы об иконописной мастерской Антониево-Сийского монастыря XVII века // Религия в истории культуры : сб. науч. тр. / отв. ред. М. Н. Принцева. СПб. : ГМИР, 1991. С. 19–34.

18. *Маркелов Г. В.* Книга иконных образцов: 500 подлинных прорисей и переводов с русских икон XV–XIX вв. Т. 1, 2. СПб. : Издательство Ивана Лимбаха, 2006.

19. Осень русского Средневековья. Искусство XVII века в собрании Русского музея : Альманах. Вып. 535. СПб. : Palace Edition, 2018.

20. *Пивоварова Н. В.* Московские царские мастерские и региональные художественные центры в конце XVI – начале XVIII века. Опыт атрибуции произведений позднего русского средневековья. М. : БуксМАрт, 2020.

21. *Пивоварова Н. В.* Памятники церковной старины в Петербурге – Петрограде – Ленинграде. Из истории формирования музейных коллекций: 1850–1930-е годы. М. : БуксМАрт, 2014.

22. *Пивоварова Н. В.* Шитый образ святого Дмитрия царевича из собрания Русского музея. К вопросу о типологии и литургической функции памятника // Университетский научный журнал. № 25. СПб., 2016. С. 102–112.

23. Повесть о чудесах святого благоверного великого князя Романа, угличского чудотворца (списана вкратце) // Ярославские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1873, № 46–48. С. 374, 377–382, 385–388.

24. *Покровский Н. В.* Сийский иконописный подлинник. СПб. : тип. главного управления уделов, 1895–1898. Вып. 1–4.

25. *Постернак О. П.* «Образ царевича Димитрия» из Угличского историко-художественного музея: возможные истоки иконографии // *Русская живопись XVIII века. Исследования и реставрация* : сб. науч. тр. / под ред. И. Е. Ломидзе. М. : ВХНРЦ им. .И. Э. Грабаря, 1986. С. 35–48.

26. «Пречистому образу Твоему поклоняемся...». Образ Богоматери в произведениях из собрания Русского музея. СПб. : Palace Editions, 1995.

27. *Пуцко В. Г.* Образ царевича Димитрия в сакральном искусстве XVII века // *Московский Кремль XV столетия. Т. 2: Архангельский собор и колокольня «Иван Великий» Московского Кремля. 500 лет. М. : ГИКМЗ «Московский кремль», 2011. С. 180–187.*

28. *Пуцко В. Г.* Эпитафийный портрет царевича Димитрия и московская парсуна XVI – начала XVII в. // *Зограф. Београд, 1987. № 18. С. 54–64.*

29. *Розов И. С.* Исторический очерк угличской «Царевской», что на крови, церкви (1583–1903 г.) // *Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии. Кн. IV. Вып. 2. Ярославль, 1905.*

30. *Самойлова Т. Е.* К истории канонизации царевича Димитрия // *Московский Кремль XV столетия. Т. 2: Архангельский собор и колокольня «Иван Великий» Московского Кремля. 500 лет. М. : ГИКМЗ «Московский кремль», 2011. С. 168–179.*

31. 1000-летие русской художественной культуры / под ред. А. В. Рыдиной. [Б. м. : б. и.], 1988.

32. Христианские реликвии в Московском Кремле / ред.-сост. А. М. Лидов. М. : Радунница, 2000.

1. Неизвестный мученик. Святые царевич Димитрий и князь Роман Угличский. Прориси из Сийского иконописного подлинника. Середина – 2-я половина XVII в. ОР РНБ. ОЛДП. F 88. Л. 484

2. Прокопий Чирин. Святые царевич Димитрий и князь Роман Угличский в молении Богоматери. Икона. 1610-е – начало 1620-х гг. Государственный Русский музей. Воспр. по: [19, с. 12]

3. Прокопий Чирин. Святые Феодор Стратилат, Борис и Глеб, Феодот Анкирский, Мария Магдалина и преподобная Ксения Римлянка в предстоянии Святой Троице. Икона. Начало XVII в. (до 1605 г.). ГТГ. Воспр. по: Такташова Л. Е. Небесное и земное в строгановской иконе. Вторая половина XVI – начало XVII вв. Владимир, 2020. Ил. 82

4. Прокопий Чирин. Святые Димитрий Солунский и царевич Димитрий. Икона из собрания П. Д. Корина. 1610-е гг. ГТГ. Воспр. по: [5, ил. 92]

5. Святой царевич Димитрий. Крышка раки. 1630 гг. Гаврила Овдокимов и мастера под его руководством. Фрагмент. ММК. Воспр. по: История русского искусства / под ред. И. Э. Грабаря. Т. IV. М., 1959. С. 337